

ИЗДАТЕЛЬСТВО

макс фрай

лора белоиван

анна
лихтикман

мария
станкевич

константин
наумов

александр
шуйский

НОВАЯ

18+

Чайная Книга

ФОРМА

александра
зволинская

татьяна
замировская

лея Любомирская

юлия
ткачева

кэти
тренд

нина
хесмец

проект
textus

**Александра Зволинская
Татьяна Замировская
Анна Лихтикман
Константин Наумов
Юлия Ткачева
Александр Шуйский
Лея Давидовна Любомирская
Макс Фрай
Кэти Тренд
Мария Станкевич
Нина Хеймец
Лора Белоиван
Новая чайная книга (сборник)**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25099918
Новая чайная книга / сост. Макс Фрай: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-105380-2*

Аннотация

Однажды писатель Дмитрий Дейч предложил нам собрать «Чайную книгу» – сборник рассказов, персонажи которых пьют

чай, а авторы рассказывают читателям о способах его заварки. Так мы и сделали.

С тех пор прошло много лет, и даже подумать страшно, сколько чашек, пиал и стаканов чая мы все за это время выпили. И сколько новых историй успели выслушать и рассказать. Самое время собрать «Новую чайную книгу» с новыми историями, и новыми рецептами, и новыми надеждами.

Вот она.

Содержание

Нина Хеймец	6
Нина Хеймец	14
Нина Хеймец	19
Кэти Тренд	27
Лея Любомирская	38
Мария Станкевич	42
Анна Лихтикман	69
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Новая чайная книга (сборник)

Книга публикуется в авторской редакции

© Макс Фрай, текст

© Наталия Рещца, дизайн обложки, внутренние иллюстрации

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Нина Хеймец
Однажды в Овидиополе

Марья Алексеевна вышла купить черный чай, устала и умерла. Время близилось к полудню. Солнце висело над городом, подрагивая и не двигаясь, как выскользнувший из рук зазевавшегося первоклассника гелиевый шарик. Марья Алексеевна сидела на стуле у входа в гастроном, облокотившись на спинку и вытянув вперед ноги в теплых старушечьих чулках. Каждый, кто заходил в стеклянную дверь – за солью ли, за конфетами, за сметаной, или печеньем, – отражался в ее глазах, от одного уголка глаза до другого проделывал путь, ничем не потревоженный – ни движением зрачков, ни мелкими сокращениями зрительных мышц, контролировать которые обычно не в силах смотрящего. На разжавшихся пальцах правой руки Марьи Алексеевны, зацепившись, висела сетчатая авоська, а в ней – две пачки чаю, желтые пухлые кубики с нарисованными на них слонами, на каждом из них ехал человек в пышной чалме, подкручивал ус и курил длинную трубку. Солнце сдвинулось с места и медленно спускалось к горизонту. Тень, отбрасываемая Марьей Алексеевной, становилась все длиннее, пока не пересекла площадь, упершись в дом напротив. На этом месте тени прежде не задерживались, и прохожие, пересекая темную прохладную полосу, чувствовали, что что-то изменилось, что-то возникло, появилось и присутствует там, где раньше его не было. Некоторые ускоряли шаг, некоторые перепрыгивали, одна только Лю-Сю задержалась в этой тени, повернула голову

и встретила взглядом с Марьей Алексеевной. Вызвали полицию. Покойницу отнесли домой, прямо, как была, на стуле. Авоську с желтыми кубиками кто-то положил ей на живот, чтобы не пропала. Думали ломать дверь квартиры, но потом сообразили, что Марья Алексеевна должна же быть с ключом — так и оказалось. Ключ был неожиданно теплым. Видимо, лежал в кармане с солнечной стороны.

Полиция должна была оповестить родственников, но в квартире Марьи Алексеевны не обнаружилось никаких документов, которые помогли бы установить с ними связь — ни писем, ни телеграмм, ничего. Только фотография Хемингуэя в рыбацком свитере, деревянные щипцы для орехов в форме головы Мефистофеля с алыми губами, да четыре одинаковых, в твердой обложке с золотым тиснением, тома Овидия на полке. Впрочем, такие томики в нашем городе есть практически у каждого. Их дарят при значимых событиях, раз такое дело. Выходило, что у Марьи Алексеевны подобных событий было минимум три, не считая рождения, но это полиции никак не помогало. Квартиру с Марьей Алексеевной внутри опечатали. Выйдя во двор, Лю-Сю посмотрела в ее окна, на втором этаже. Небо было затянуто облаками, стекла тускло поблескивали, отражая свет фонарей; крючковатый алоэ громоздился на подоконнике.

Нужно было решать вопрос с похоронами, и, опять же —

что бы мы делали без Лю-Сю. Погребение – дело накладное, но Лю-Сю нашла выход – вычитала в объявлениях, выведала у знакомых знакомых, вызвонила в инстанции. В общем, оказалось, что существуют бригады могильщиков-практикантов, которые все организуют, что называется, под ключ, от А до Я, буквально за гроши, только чтобы опыта набраться. Лю-Сю такую бригаду и выписала из области.

* * *

Мы стоим у подъезда и ждем Марью Алексеевну. Ирина Павловна с пятого этажа вздыхает в накрахмаленный платок. Антонина Федоровна из третьего подъезда, как всегда, – с беззубой болонкой Лили на поводке. И Лю-Сю, конечно, тоже здесь. На ней кимоно с фламинго, подпоясанное широкой лентой, волосы забраны в тяжелый пучок со спицами, лицо выбелено мелом, брови подведены углями. Наконец, мы слышим на лестнице стук шагов, цокают кованые каблуки. Распахивается дверь подъезда. Марья Алексеевна сидит на золотом троне; трон стоит на носилках из сандалового дерева; носилки несут шестеро человек в черных костюмах и масках.

– А маски-то для чего? – шепчет Ирина Павловна.

– Так нужно, – отвечает Антонина Федоровна, берет на руки Лили, и покрепче прижимает ее к себе.

Марья Алексеевна проплывает над нами. На голове ее – кружевной чепец. Лицо спокойное, торжественное и немного обиженное. Мы пристраиваемся за носилками. Процессия движется по главной улице. Окна отражают солнце красными всполохами. В комнатах плачут женщины и дети. «Мама, мама, – доносится из одного из окон, – там похороны и оркестр!» И действительно, оркестр же! Странно, что мы на него не обратили внимания, а, меж тем, уже давно ведь идем, пританцовывая. Оказывается, за нами все это время ехал грузовик, на его кузове – платформа. На ней дуют в трубы щекастые негры, извивается вокруг своего инструмента контрабасист; ударник, орудуя локтями, отстукивает ритм. Лили подбивает в такт. На барабанной установке надпись: «ВИА “Долороза”». В медных тромбонах отражаются заполненные людьми улицы. Крутят сальто акробаты; пляшут на канатах арлекины; из переулков присоединяются люди в маскарадных костюмах – звездочеты в расшитых мантиях, силачи с топорами и лицами, скрытыми под красными колпаками, воины на верблюдах, факиры на слонах, всадники с кривыми саблями, тигры с орлиными головами, скелеты в ржавых кольчугах, львы с золотыми клыками, лисы, птицы, стрекозы, змеи с крыльями и без крыльев.

* * *

Хаджи-бей поднимается с подушек и подходит к окну

башни. В ночном небе взрываются петарды, сверкают зарницы. Вдалеке – шествие; сползает к лиману, как огромный переливающийся спрут. Хаджи-бей усмехается, задерживает на окне парчовый занавес и возвращается на подушки. На полу пути он останавливается перед небольшим столиком, на котором – шахматная доска из эбенового дерева, инкрустированная перламутром. Он делает ход белым слоном. Потом, обойдя доску, съедает этого слона черным конем. Белому королю – шах. Черными изначально играл Абу Саид, однако чем ближе к власти, тем больше соблазнов для глаз и капканов для сердца. Вот и Абу Саид не избежал ловушки, затеял против него недоброе, писал доносы султану, отправлял их с голубями – все застрелены лучниками, отсылал с окунями – все бились в сетях его рыбаков. Пришлось его казнить. Голова Абу Саида покатила по песку, и тут же на нее налетели черные птицы, подцепили острыми когтями и скрылись с ней за морем. Притаившаяся белая пешка нападает на коня. Смерть игрока – не повод прерывать партию, так считает Хаджи-бей.

* * *

Мы приближаемся к лиману. Впереди поднимается с земли огненное облако.

– Дракон! – ахает Ирина Павловна.

– Не дракон, а воздушный шар, – поправляет ее Антонина

Федоровна.

Шар все ближе. Гремят барабаны. Трон с Марьей Алексеевной перемещают в его корзину, убранную коврами. На коврах вышиты шелком рептилии с перепончатыми крыльями. Белый чепец Марьи Алексеевны сияет в свете звезд. В ее глазах – снова открытых – отражается пламя. Шестеро всадников, разом взмахнув саблями, обрубают канаты. Мы успеваем – в последний раз – увидеть лицо Марьи Алексеевны, с черным провалом рта и заполненными огнем глазницами – и шар взмывает вверх, в разреженный фейерверками воздух. Он улетает, затягивая за собой, как шлейф, разноцветные вспышки, свет факелов и фонарей, звуки музыки, шум голосов, хлопки ракетниц. Мы стоим, запрокинув головы, и провожаем его взглядом. Шар уменьшается, становится размером с далекую луну и там, в вышине, взрывается. В небе образуется огненная дыра, ее края мечутся и извиваются, как щупальца, но постепенно их движение замедляется, и дыру медленно затягивает темный воздух. Через несколько секунд наших волос и лиц касается что-то мягкое – пепел. Он опускается на песок, и на белесую воду лимана – легкий и незаметный. Из-за рябоватой глади моря медленно всплывает по небу солнце.

Рецепт невыпитого чая

Рецепт зависит от того, при каких

обстоятельствах чай не был выпит. Если, например, вы не успели выпить уже приготовленную чашку, выходили из дому, на ходу надевая пальто, быстро шли по улице, вдыхая пропитанный дождем холодный воздух, то в чай добавляется кусочек темного шоколада. Если же вы просто раздумали пить чай, можно добавить в него листок мяты и еще один ингредиент – любой, но первый, который вам придет в голову: ложку меда, лист герани, контакт батарейки, когда ее касаешься языком, щепотку полыни, тертые ракушки, стебель подорожника, счастливый билет, и т. д. Если вы не налили себе чай не из-за смены собственного настроения, а по другой причине, рекомендуется увеличить число дополнительных ингредиентов.

Нина Хеймец

Соединение

Чак вернулся, вернулся, вернулся опять. Звук дверного звонка взрезает барабанные перепонки, резонирует с железнодорожными мостами, мчится в узкой долине флотилией жужжащих беспилотников. Я вскакиваю с кровати, нашариваю тапочки, путаю левый с правым, спешу в прихожую. Зажигается свет, мама выходит из комнаты; Бенжи уже здесь, в пижаме с иголки; бабушка срочно вытирает в квартире пыль, сослепу смахивает со стола пустой стакан. Тот, конечно, падает и разбивается. Звонок не умолкает. Наконец Бенжи заглядывает в дверной глазок – «Он» – и, немного помедлив, поворачивает в замке ключ.

Получалось, что Бенжи видит Чака дважды. Первый раз – когда еще никто не знает о его чудесном, всем шансам вопреки, спасении; когда никто уже и не думал, когда мысли тех, кто его знал, уже текут над ним, почти его не задевая, не возвращая, не поворачивая к нам лицом. Второй раз – когда распахивается наша дверь. Мне казалось, что если разглядеть того, первого Чака внимательнее, и суметь – мысленно – соединить его со вторым, входящим, закроется брешь, восстановится невидимый нам механизм, и Чаку больше не

придется к нам приходиться.

Однажды я опередил Бенжи, и заглянул в глазок первым. Чак стоял там – это был тот раз, когда их яхта перестала выходить на связь где-то в районе Огненной земли. Три месяца поисковых экспедиций, усиленного воздушного патрулирования, журналистских расследований (утверждалось в частности, что яхта перевозила какой-то сверхсекретный прибор; что некой разведслужбой была перехвачена зашифрованная переписка между неизвестным и одним из пассажиров, с инструкциями, как вывести из строя бортовую систему навигации; и что запасов провизии изначально не могло хватить на запланированное путешествие) – и судно было обнаружено аргентинскими рыбаками, просто выплыло им навстречу ранним утром. Пустой корпус – ни парусов, ни снастей, ни боржурнала – ничего. Только Чак у нас на лестничной клетке. «Как здорово, – говорит, – как здорово дышать полной грудью». Мы провожаем его в большую комнату. Мне кажется, будто я слышу, как с каждым шагом у него хлюпают ботинки, а на улице, меж тем, абсолютно сухо. Уже месяц как не было дождей. Но потом прислушался – это не вода, а просто подошвы такие. Скрип-скрип. Бабушка успела подмести осколки, мама достает из шкафа белую скатерть, разглаживает ее на столе ладонями. Бенжи расставляет на столе высокие чашки из полупрозрачного фарфора. Мы рассаживаемся, Чак сидит напротив меня. Он стал сутулиться,

лицо осунулось. Черная водолазка подчеркивает углубившиеся складки у рта, тени под глазами. Я замечаю, что в его волосах что-то запуталось. Засохшие водоросли? Мы потом заваривали с ними чай. В смысле Чак достал такие же из кармана куртки, из полиэтиленового пакетика. Сказал, это – нам гостинец. Чай, кстати, оказался вкусным – солоноватым, медленным, с перламутровым туманом на дне.

Например, после того, как Чак пропал на том пожаре – обрушение балок, взрыв газовых баллонов; выжить, казалось бы, невозможно – чай нам всем понравился гораздо меньше. В тот раз звонок разбудил меня не сразу. Я плыл на пароме, вместе с сотнями других людей, одетых в разноцветные одежды. Я мог слышать голос каждого из них. В мареве над горизонтом уходил под воду огромный солнечный диск. Когда я вышел в прихожую, Чак уже был у нас. Его лицо и руки были в черных разводах. Когда мы сели за стол, на скатерти остались отпечатки его ладоней – они так потом, кстати, и не отстирались, как Бенжи ни пытался, и сколько хлорки на них ни лил. Чак распахнул куртку – запахло гарью, разрушенной черной древесиной, речным илом. Он порылся за пазухой и достал бумажный кулек – совсем маленький, скрученный из блокнотного листа. Это была сажа из самого сердца пожара, из прежде (до тушения) наиболее раскаленной его точки, самого эпицентра – эксклюзив. Чай не имел вкуса, обволакивал небо, закладывал горло прозрачным комком, проступал

в уголках глаз белым едким пеплом. Мы смотрели на Чака и видели его таким, как если бы он к нам не пришел – разлетевшимся по ветру миллионами черных хлопьев, слившимся с землей, поднявшимся с травой.

Мы были всем, что от Чака осталось, если, конечно, не считать его самого. Он подходил к двери – в заляпанной глиной военной форме, в марлевой маске, в полимерном костюме ликвидатора, в ветровке с разорванными рукавами, в оранжевом скафандре, в бета-лучах, в боевом оперении. Мы открывали ему, уцелевшему. Мы встречались с ним взглядом и пили с ним чай – с сахарными леденцами, ромашкой, алоэ, океанским песком, льдом астероидов, степной пылью, полынью. Наши лица покрылись морщинами, руки напоминали снимки далеких планет, на которых ищут разум, и находят замерзшую воду. В окна влетал ветер, трепал наши волосы, опрокидывал стены. Однажды он не пришел; мы поняли – все получилось.

Горячий чай с леденцами

Речь здесь идет о своего рода путешествии, потому что человек с леденцом и человек, делающий глоток горячего чая, – не совпадают. Что находится между ними? Какое пространство преодолевается за секунды между облизыванием леденца и глотком из чашки?

Каждый может исследовать это самостоятельно, а может – положить леденец в чайную чашку и наблюдать, как тот становится прозрачным и исчезает. Оба варианта хороши.

Нина Хеймец

Анат и ее друзья

Анат, разумеется, объясняла мне, в чем дело – довольно редкое состояние, при котором человек не выходит из дома и даже в окна не выглядывает, держит их занавешенными. Я говорил: «Давай я тогда к тебе в гости приеду». А она смеялась и отвечала: «Не надо, не приезжай, давай лучше так поговорим». Мы и говорили, слышимость была прекрасная, хотя работа у меня такая, что иной раз не знаешь, где окажешься. Но голос был одним и тем же – тихим, чуть хриловатым и очень ясным. Мне иной раз казалось, что Анат где-то совсем рядом – выгляни в окно, увидишь ее в квартире напротив. И несколько раз я ловил себя на том, что подхожу к окну гостиничного номера, отодвигаю штору – передо мной были ночные офисные здания, были долины с голубоватыми огоньками деревень, было море, над которым летели самолеты со спящими пассажирами, а Анат там, конечно, не было. Я задерживал занавеску, ложился, не сняв куртку, на кровать и говорил в телефонную трубку: «Представляешь, что я сегодня видел».

...Сегодня была в парке. Погода, конечно, ужасная. Сама теперь не могу себе объяснить, зачем меня туда понесло. Были уже сумерки, я долго шла – там есть большой участок почти без деревьев, за рекой, я тебе, помнишь, рассказывала. Почему-то не зажглись фонари, была метель, и мне стало казаться, будто я иду внутри карандашного рисунка. Ну и я, конечно, сразу о тебе подумала, об этих твоих листках бумаги на стенах. Внутри рисунка холодало, болели пальцы, и было уже непонятно, где какая сторона света и сколько еще предстоит идти. Я вдруг поняла, что не уверена, что смогу отсюда выбраться. Мне казалось, что с каждым моим шагом шансы на то, что я дойду до края парка, стремительно уменьшаются. Должно же быть наоборот, правда? И вдруг появилась та собака. Высокая – мне почти по пояс, белая. Я увидела ее слева, чуть поодаль. Потом она выбежала на тропинку – то есть, получается, я все это время все же шла по тропинке – приблизилась ко мне и поставила мне на плечи лапы. Даже не поставила, а так, знаешь, толкнула меня в плечи – как пловец, когда он от бортика отталкивается, чтобы развернуться. Вот и она развернулась и почти сразу исчезла из виду. Я шла, ее высматривала, но ее нигде не было видно. А потом вдруг вижу – я вышла на ту улицу, которая парк на две части разделяет. Мне при этом все время казалось, что я

вообще иду в другую сторону. Вышла и как раз увидела, как к остановке автобус подъезжает, фары его.

* * *

Я часто думал об ее рисунках, об этой комнате. Обо всех наших историях, в которые она вглядывалась, которые располагала в понятном только ей порядке. То есть я совершенно уверен, что расположение рисунков не было случайным. Я не знаю, в какой технике Анат рисовала. Скорее всего, при таком освещении, это был уголь, или тушь, или карандаш.

* * *

...Вроде бы, фрагмент улицы, ничего такого, а я там минут пятнадцать стоял и не уходил, представляешь? Длинный дом, покрытый желтой штукатуркой. В метре от стены – дерево, без листьев, просто – черные мокрые ветки. Я же говорю, ничего особенного. А я стоял и смотрел.

* * *

– Анат, знаешь, я видела тебя во сне. Будто я иду по улице, и с лицом у меня что-то не в порядке. Прохожие на меня смотрят, и тут же отворачиваются в панике. Я захожу в

твой подъезд, поднимаюсь по лестнице, навстречу какие-то люди – завидев меня, уже чуть в обморок ни падают. А потом я оказываюсь в твоей комнате. Все стены увешаны рисунками, от пола до потолка. Места не хватает, и листки бумаги выглядят как бахрома. Еще это выглядит так, будто я оказалась внутри бумажного иглу. Ты меня встречаешь, и тебя мое лицо не пугает. Наоборот, ты внимательно в него всматриваешься. Я наконец-то чувствую, что могу вздохнуть спокойно. Только вот сама ты тоже странно выглядишь. Лицо у тебя совершенно нормальное, а тело и голова словно состоят из геометрических фигур, да еще и неправильно друг к другу подогнанных, смещенных.

* * *

...Да, блин, я даже не понял, что это было. Вот, тебе рассказываю. Сажу я, значит, в патрульной будке, один. Ребята уехали на вызов, а я чай пью из термоса да радио слушаю – там как раз наши со шведами в хоккей играли. И тут – даже не знаю, как это описать. Я почувствовал ужас. Телом почувствовал. Ужас начался в пальцах ног, и в несколько секунд всего меня охватил, до макушки. Я выключил радио, погасил свет, лег на пол. Полежал так несколько минут, успокоился немного и думаю: «Охренел, что ли?». Но встать не могу, хоть ты тресни. Только голову от пола подниму, опять ужас этот. Наконец, вроде, отпустило. Я встал, открыл дверь. В

это время суток машин на трассе мало. Было очень тихо, как, знаешь, бывает, когда снегопад недавно закончился. Я хотел было вернуться в будку и тут заметил метрах в двадцати на снегу какую-то линию. Подошел, а там следы – шли двое. Следы вели из лесополосы, за будкой, а потом под острым углом в нее же возвращались. Что-то было не так, я знал, что должен пойти и проверить, в чем дело. И опять – не могу сдвинуться с места. Взрослый дядька, в кобуре табельный макаров. Нет, стою. Я вернулся в будку, стал ждать нашу патрульную машину. Ребята вернулись минут через двадцать, но к тому времени опять пошел сильный снег, следы полностью засыпало, и мы никого не нашли.

* * *

Однажды – это было летом – телефон перестал отвечать. Я попытался написать на электронную почту – тот же результат. Это было не похоже на Анат. Я забеспокоился. Я знал, что у нее довольно много друзей, но между собой мы знакомы не были. И все же кого-то она, бывало, в разговорах со мной упоминала. Это заняло несколько дней, но я вышел на одну ее знакомую, которая знала, где живет Анат. Назавтра знакомая пошла туда. Дверь была распахнута, ремонт был в самом разгаре. Рабочие заканчивали красить стены. Они сказали, что хозяйку квартиры похоронили неделю назад – вроде бы сердечный приступ, а что вы хотите при такой эко-

логии? Сказали, приходили люди из полиции, рассматривали стены. Там было много рисунков, но полицию больше заинтересовали полароидные фотографии. Они там тоже были – ей, видимо, присылали. Полиция надеялась, что на них будет изображен кто-то из ее близких, чтобы ему сообщить, что так мол и так. Но там оказались только какие-то рыбины, барханы, самолеты, айсберги.

* * *

Проезжая по улицам Мосула, лавируя среди воронок, груд камней, каркасов автомобилей, всматриваясь в черные остовы многоэтажек, я заметил в одном из оконных проемов яркую вспышку. Я зажмурился – точно как прежде – и пригнулся на сиденье, закрыв голову руками – рефлекс, отработанный в последний месяц. Когда я выпрямился и открыл глаза, я увидел, что в этом окне полыхало, отражаясь, солнце. Похоже, это было единственное уцелевшее стекло на всей улице. Когда мы поравнялись с этим окном, я попытался туда заглянуть, но, конечно, ничего не разглядел.

Несколькими часами позже, уже в аэропорту, я вытащил было из кармана телефон и только в этот момент окончательно осознал, что больше не могу поговорить с Анат.

Вряд ли я когда-нибудь вернусь в Мосул. Даже если бы так произошло, скорее всего, там бы уже не было этого дома. Но отразившаяся в том стекле вспышка остается, существует в одном из уголков моей памяти. Иногда мне хочется на нее посмотреть, и я закрываю глаза.

Чай из термоса

Чай из термоса – это обман ожиданий. Находящаяся внутри термоса жидкость не соответствует всему, что ее в этот момент окружает. Адекватная информация о ней содержится только в нашей памяти: осязание, обоняние – мы привыкли почти безоговорочно на них полагаться, но в данном случае они лишь введут нас в заблуждение. Иными словами, чай (или любой другой не соответствующий температуре внешнего мира напиток) – это уникальная возможность устроить сюрприз самому себе. Можно возразить (опять же самому себе), что сюрприз – не полный. Ведь мы же сами наливали этот напиток в термос или кто-то был настолько любезен, что сделал это для нас. В любом случае мы об этом знаем. С другой стороны, не так уж много бывает сюрпризов, о которых мы,

положа руку на сердце, можем сказать, что вообще о них не догадывались. Вопрос в пропорциях: насколько они стали для нас неожиданными. По этой же причине не стоит, наверное, пить из термоса остывший чай (или, например, воду, приобретающую комнатную температуру). Дело не во вкусе напитка: это просто противоречит сути явления.

Кэти Тренд
Транссибериада

Музыка исчезала прямо из-под рук.

Возиться с Лялькиным планшетом оказалось как-то долго. Думал – прочистить контакты, ну, подумаешь, искупала, чай, не в царской водке, а в воде обычной. Но оказалось, какой-то контакт все-таки оторвался, под другим оказалась здоровенная рисина, под третьим – живой мучной жучок. А гаджет явно не предназначен для починки. Все на липкой тряпочной ленте. Гоша раскопегарил паяльник и принялся по одной переклеивать ленточки на крышку планшета. Медитативная работа, тут бы музыка, которую посоветовал Марк, как раз пришлась бы в кассу – но музыку фиг достанешь. Ссылок полно, но какие заблокированы (провайдер очень извиняется), а какие просто не работают. Один сайт показывает только первые тридцать секунд песен, а как купить – не говорит. Другой даже дал послушать пару песен, а потом стал заявлять, что трек удален, даже те, что Гоша только что услышал. Третий при попытке кликнуть перекидывал юзера на страницу «Пет Шоп Бойз», четвертый сообщил, что Гоша использует приложение, не позволяющее прослушивать музыку ВКонтакте, хотя никаким ВКонтакте не являлся, а использовал Гоша обычную винду-семерку. Что-то не так с этим якутским трансом, кому попало его послушать не дают.

И тут зазвонили в дверь. Ну вот уже и Лялька, а планшет еще и отдаленно не готов.

Лялька внесла запах весенней сырости и тряпичный мешок продуктов. Ну да, у нее сплошная экология. Вязанная вручную трехрогая разноцветная шапка, мокрая от февральского дожdesнега; расшитая бисером дубленка, пестрые афгани; страшные, как моя жизнь, пьексы. К этому всему еще бы бубен, посох с конской головой и ленточками. И что там еще шаманы с собой таскают. Ну вот зачем такому человеку планшет?

– Не сделал я еще твой планшет, – сразу признается Гоша, – а в рисе у тебя жучки.

– Ну так неудивительно, – смеется Лялька, – всюду жизнь. Это сушильный рис, я его не ем. Ладно, я подожду. У тебя же вроде есть вафельница? Давай, я пока вафель напеку?

Гоша кивает, Лялька скидывает пьексы и тащит на кухню мешок, на ходу доставая из него яйца, потом здоровенную пачку масла в обертке без подписи, оборачивается к Гоше:

– Ты иди, работай, я все-таки хочу от тебя сегодня уйти с планшетом, ладно?

– Да не вопрос, – мрачно пожимает плечами Гоша и возвращается в мастерскую. Музыки по-прежнему нет, и как раз надо медитативно пропаивать контакты. Но вдруг оказывается, что какое-то подобие музыки создает шуршащая на кухне Лялька. И миксер у нее взрывает ритмично, и нож по яйцу стучит, как трещотка из оленьего копытца, и она еще напевает себе под нос. Вшшшш – перкуссией вступает шипящее на рифленой подошве вафельницы тесто. Щелк! – отве-

чает защелка крышки.

Когда Лялька появляется возле Гошиного стола с вафлей в руках, у Гоши уже все контакты пропаяны, почти все ленточки наклеены обратно, осталось перевернуть, включить и проверить.

– Ну, рискнем, – выдыхает Гоша, переворачивает планшет, нажимает кнопку. Включается оранжевая подложка логотипа, потом загружается картинка с камлающим шаманом, частично перекрытая иконками. Гоша проводит пальцем по центру тачпада. Ничего. Ни меню не открывается, ни инстаграм, ни сайт железной дороги. Края реагируют – вот, например, запустился скайп. Центр по-прежнему мертв.

– Ну я не знаю, – горестно вздыхает Гоша, рассеянно вынимая из руки Ляльки теплую вафлю, – все я пропаял. Тут шаман нужен, а не ремонтник. Знаешь, из тех, что хорошо провожают мертвых.

– По моим сведениям, ты шаман и есть, – смеется Лялька, – такой специальный шаман для электроники. Действуешь, как шаман: непонятным образом чинишь то, что другие починить не могут, цену не назначаешь, пожертвования принимаешь, в любой момент готов помочь. Все шаманы так живут.

– Да ну, фигня, – возражает Гоша с набитым ртом, – электроника – наука о контактах! Все должно работать. А не работает.

– Вот-вот, – кивает Лялька, – все, как у людей. Должен

быть здоров, а болен. Почему? Наука ответить не может. И тогда человек идет к шаману, и шаман его неведомым образом лечит. То ли к духам водит, то ли порванные связи узелками связывает, то ли возвращает утерянный ритм. Ну практически как ты с гаджетами.

– Ну уж нет, духов я не вызываю. Я, в конце концов, не сисадмин, у меня и бубна-то нет. Я по железу специалист. У него не должно быть психологических сложностей. Не знаю я, что это за хрень.

– Ну тогда пошли чай пить, – мирно предлагает Лялька, – у меня есть сагандайля.

– Почему-то я ни капли ни удивлен. – Конечно, у Ляльки с ее зелеными волосами, пернатыми серьгами, ожерельем из ракушек и каменным человечком на шее должны быть и сагандайля, и панапту, и моринхуур, и спасибо если не олгой-хорхой.

Но сагандайля оказывается хвойно пахнущими веточками, уже заваренными вместе с покупной израильской мятой. А вафли, стопкой сложенные на разделочной доске, чуть-чуть горчат, и понятно почему: на столе ополовиненная банка зеленого, в цвет волос, меда – очевидно, изрядная его часть попала в тесто.

– Всегда должно быть время для внезапных вафелек, – сообщает Лялька, наливая Гоше чай в его кружку, и принимается выбирать кружку для себя. Конечно, шаман из чего попало пить не станет.

Гоша пьет чай, жует вафлю и разглядывает Ляльку. Почему-то Гоша никогда не пытался подбить к Ляльке клинья. Боялся, что ли. Унесет в нижний мир – и привет. Загадка на самом деле вообще это вот возвращение шаманизма. Сисадминам дарят бубны. Девочки с зелеными волосами находят потерянные вещи, играя им на варгане, и заговаривают зубы так, что полгода потом не вспомнишь, что у тебя вообще есть зубы. Музыканты утверждают, что с ними играет дух покойного виолончелиста, и поди попробуй не поверь. А ведь казалось бы – высшее образование, хорошая семья, триста лет в Петербурге, все вот эти дела. Читающие познавательные лекции историки или настоящие тувинские шаманы говорят – все дело в предках, дед камлал, значит, и внук рано или поздно начнет камлать. Но тут-то какие уж там предки.

– Лялька, – говорит Гоша, – а почему ты шаман?

– А почему я шаман? – моментально отвечает Лялька. – Шаман должен пройти инициацию, племя должно признать его как шамана, он людей лечит и мертвых провожает. А я что, я просто музыкант. Песенки пою. Гаджеты ломаю. Где бы я могла в Питере инициацию пройти. Давай лучше еще с планшетом попробуем, а? Мне как-то приятно было, что он у меня наконец-то есть – а его вдруг опять нет.

– Ну тогда я буду паять, – пообещал Гоша, – а ты мне будешь песни петь. А то мне друг посоветовал клевого якутского транса послушать – а я его найти не могу. А без музыки у меня уже мозги кипят.

На том и порешили. Лялька втащила в мастерскую рюкзак, уселась верхом на Гошин тренажер и выгрузила овальный бубен, оказывается, занимавший большую часть пространства рюкзака. Гоша заржал:

– Я так и знал, что у тебя есть бубен! А посоха с ленточками у тебя нет?

– Посох с ленточками – это понты, – серьезно объяснила Лялька, – а под бубен я тебе сейчас петь буду. Про камни в реке и коршуна в облаках. А ты паяй себе.

Гоша послушно надел головную лупу и уткнулся носом в планшет, снова отклеивая ленточки в нужных местах. Добрался до шлейфа, подсоединяющего тачпад, и принялся отпаивать подозрительные контакты. Шлейф изгибался перед ним, как серебристая речка, за плечом рокотал Лялькин бубен, и голос вступал сначала тихо, потом громче, что-то действительно про реку, камни, отражение ветвей в воде, зеленые листья, серебристые струи – ну, что-то такое романтическое, в слова Гоша не вслушивался, вообще предпочел бы на якутском языке, но хоть так, а струи вплавленных в прозрачный пластик проводков текли вперед и налево, изгибаясь, затекая за зеленый мыс печатной платы, а на мысу росла здоровенная замшелая ель, и ее лапы, стекающие к самой воде, текли из воды вверх уже совершенно черными. Гоша поднял голову. В небе, на фоне яркой синевы, парила черная крестовинка хищной птицы. Он ступил в воду босыми ногами – вода оказалась холодной, но не смертельно холод-

ной, приятной, как мороженое вприкуску к кофе, струи речки обняли ноги и обтекли их, как обходили торчащие из воды скользкие серые камни. Впереди, между трех камней, в воде болталось что-то лишнее – кажется, пластиковая бутылка и еще какой-то мусор. Гоша сделал вперед несколько шагов по мелким золотистым камешкам дна, перегнулся через серый камень и достал из маленького водоворота бутылку из-под мятного лимонада и пустую рваную упаковку от риса. Посмотрел по сторонам: на берегу валялся пластиковый пакет, рваный кед и ржавая сгущеночная банка. Развернул пакет, сложил в него мусор, осмотрелся – кажется, больше мусора вокруг не было, река серебрилась и звенела, «Айя!» – одобрительно крикнула сверху птица. Услышал сзади плеск, оглянулся. К нему приближалась берестяная лодка, в лодке сидела Лялька – или не Лялька? Женщина с зелеными волосами, в платье с бахромой, в медной маске на лице, с посохом с конской головой, посохом она отталкивалась от близкого дна. Сделала знак Гоше: давай, мол, сюда, в лодку. И вот Гоша в лодке, и, кажется, не домашняя майка с бедным-животным на нем и не рваные джинсы, а медвежья шкура накинута на плечи, из оленьей замши его штаны, а лодка медленно плывет вниз по реке, и Гоша успевает подхватить из воды где фантик, где крышечку – все лишнее. Золотистый туман стелется над лугами, кузнечики звенят в густой траве, вода плещет по круглым спинкам камней. Лодка скользит за очередной поворот – и останавливается, ткнувшись носом

в зеленый луг берега. Дальше речка расширяется, впадает в озеро, и в озере уже чисто, нет никакого мусора, отражается птица, качаются камыши, разбегаются круглые волны, звучит семь частых ударов бубна, Гоша поднимает голову от печатной платы, сдвигает лупу на макушку и ошарашенно смотрит на Ляльку.

– Я что, уснул? – наконец спрашивает он.

– Да вроде нет, – пожимает плечами Лялька, – сидел паял, а я тебе пела. Ну как, спаял?

Гоша смотрит на левую руку, еще, кажется, ощущающую вес пакета с мусором, но в левой руке только продолговатая рисинка зажата в пальцах.

– Так, – говорит он растерянно, – так. Вот просто возьмем и проверим. Я даже приклеивать не буду, – решительно переворачивает планшет, придерживая его потроха крышечкой, включает. Оранжевое поле, картинка с шаманом, иконки, провести пальцем.

Работает! Он работает.

Запускается Лялькин инстаграм, и в нем фотография Лялькиной руки на фоне красных углей. Открывается меню, и все, что там есть в середине: диктофон, рисовалка, карты.

– Сдавай диплом, вставай на лыжи, – говорит Гоша, – ну вот какого! Я же в эту хрень не верю вообще. Что за гребанный транс?

– И я не верю, – кивает Лялька, продолжая тихонечко постукивать в край бубна, – кому вообще нужна вера. Некото-

рые вещи мы можем знать. Некоторые вещи вроде бы знают другие люди, можно в них видеть логику и принимать, а можно не видеть и отвергать. А некоторые вещи просто происходят, и в них тоже верить совершенно бессмысленно. Произошедший факт не предмет веры, это просто факт, и все. Особенно если ты сам участвовал. Давай уже, собирай мою игрушку, я по нему соскучилась!

Гоша послушно приклеивает ленточки, защелкивает крышку, прикручивает винтик. Планшет работает. Починенный непонятным шаманским образом. Черт его дери.

– Ага, давай сюда! – радостно восклицает Лялька, обнимая драгоценный гаджет ладонями, – какую ты там якутскую музыку искал?

– Транс Сибيريا, – сообщает Гоша, – Хулу проджект.

– Никаких проблем! – смеется Лялька и одной рукой листает что-то в планшете, другой нащупывает у Гошиного компьютера шнурок колонок, выдергивает, втыкает в планшет. И из пространства, словно шелестя по низкой траве, пробегают высокие струнные звуки, за ними следует грустный голос старой шаманки, звякают оленьи колокольцы, шелестит в траве ветер – и вдруг ударяет низкий и словно перевернутый звук бубна, огромного, как небо. Гоша лежит в траве на прохладной земле, бубен наплывает на него, как летающая тарелка, но его перехватывает и отгоняет в сторону шаманская трещотка хай-хэта, клавиши ползут из-за горизонта, как низкие облака, стайка саксофонов взлетает из

травы золотистыми птицами.

Все правильно, думает Гоша, все правильно.

Рецепт шаманского чая от Кэти Тренд

Основой для шаманского чая служит бадан крупнолистный. Отмирающие коричневые листья собирают в течение лета и сушат на кухне; но можно купить уже готовые в эколавке.

В чайник добавить зеленый чайный набор: мята, чабрец, лимонная трава.

Сагандайля, «белое крыло», добавляется в небольших количествах, веточка на чайник. Купить ее можно в той же эколавке либо в дацане.

Шаманский чай приятно отличается от обычного китайского тем, что заварку можно оставить в чайнике на сутки и больше. Хорошее подспорье для шамана, который может выйти из транса завтра или через два дня – а у него все еще чай заварен.

Лея Любомирская

Поутру

вошел, как всегда, бесшумно, не шелохнув колокольчика на двери, с добрым утром, сказал, милые мои, голос бархатный, чарующий, голос-мед, голос-яд, голос-янтарный херес, привкус благородного дерева, чуть заметная горечь в ненавязчивой сладости, голос – едва раскуренная трубка, голос – огонь в камине, в адском камине адский огонь, с адского вертела издевательски скалится адский поросенок, потрескивает блестящая, будто лакированная кожа, шипят, падая в огонь, капли жира, плотные портьеры не пропускают света, ковер с густым ворсом глушит шаги – вот, каким голосом сказал он, здравствуйте, милые мои, с добрым утром, Нелинька, двойной кофе, и у всех сердце вдруг сбилось и пропустило удар, а колени будто ослабли и задрожали, но как-то все справились с собою, ответили, хоть и вразнобой, доброе утро, доброе утро, здравствуйте, как поживаете, а мы уж заждались, сказала Кофе-без-кофеина почти игриво, без вас и утро не утро, добавил Чай-с-гренком, уж будто, сказал он и ласково погрозил пальцем, уж будто, и Молоко-две-ложки-сахара вдруг закашлялась, и кашляла, и кашляла, он подошел, чтобы похлопать ее по спине, но Молоко-две-ложки-сахара завизжала, не прекращая кашлять, и визжала, и кашляла, и он укоризненно покачал головою, сахар, сказал он, сахар вам вреден, и Молоко-две-ложки-сахара перестала визжать и закивала, да-да-да, а потом замотала головой, нет-нет-нет, и снова закивала, часто-часто, кивала и кашляла, и

он засмеялся и отошел к стойке, к своему двойному кофе, а Молоко-две-ложки-сахара прекратила кашлять и кивать и уронила голову на стол, Кофе-без-кофеина и Чай-с-гренком слышали, как она всхлипывала от ужаса и облегчения, но не смотрели на нее, смотрели в свои чашки, у Кофе-без-кофеина оставалось на доньшке, а Чай-с-гренком пил уже вторую, и вторая была наполовину полна, ну, ладно, сказал он от стойки, и снова потек мед и яд, ладно мои милые, еще увидимся, Нелинька, получи, рукою в перчатке положил на стойку монету, слишком большую и тяжелую даже для двухъевровой, вскинул на плечо узенький серпик, где только прятал до сих пор, и вышел на улицу, не потревожив дверного колокольчика. коньяк, хрипловато сказала Нела, всем коньяк за счет заведения. и свежего чаю, сказал Чай-с-гренком, мой остыл и невкусный.

Чай «Синтия»

*ледяная минеральная вода – 1 литр
очень крепкий черный чай – 3 децилитра
кипяченая вода – 2 децилитра
лимонный и виноградный соки, каждого по ½
децилитра
сахар – сколько потребуется.*

смешать чай, кипяченую воду и соки, добавить сахару, чтоб было немного чересчур. охладить в

*холодильнике. перед подачей смешать с газировкой,
бокалы украсить апельсиновым кружочком.*

Мария Станкевич

Белая планета

– Привет, мам.

...

– Да, все хорошо... Ну как... нормально. Лежит, ест, пьет, телевизор смотрит... Не знаю, что она там понимает, но смотрит. Я ей какой-то научный канал нашла, там хорошо, спокойно, не галдит никто и сплошной космос.

...

– Нет, мамуль, все нормально, правда. Я справляюсь. Связь только фиговая, интернет не ловится и кокос тоже... не того. Так что я граблю бабушкину библиотеку и, страшно сказать, само-обра-зо-вы-ваюсь.

...

– Коты отличные. Умные и наглые как черти. Белого приходится кормить прямо на бабушкиной кровати, представляешь? Он от нее только пописать отходит...

...

– Ну, прости, прости: отлучается только пописать. А серый зато за мной таскается постоянно. Подозревает в чем-нибудь, поди. Важный такой, хозяин.

...

– Хорошо, хорошо, обязательно позвоню. Не переживай.

Кому: Дм. Б. Сормов

<d.b.sormov@gmail.com>

дата: 24 апреля 2017 г., 14:23

тема: Письмо далекому другу;

Обещала – пишу. Но на сильно длинные письма все равно не рассчитывай, интернета в этом захолустье днем с огнем, даже твой хваленый оператор не спасает – не тянет, не тянет, не тя-а-анет. Поэтому раз в день бросаю бабулю под честное соседское слово и бегу сначала в магазин, а потом в местную библиотеку, чтобы за 50 ре в час выйти в мировую сеть на доисторическом компьютере (тебе-то он, конечно, понравился бы, но как по мне – рухлядь рухлядью), быстренько (ха-ха!) отправить материалы редактору, накропать пару строк разного там пояснялова и – вот – успеть написать и тебе.

И никаких фейсбуچهков и твиттеров, замечь! Отстану от мировой повестки, будешь меня потом заново учить отличать правых от левых и белых от красных. А я тебе в обмен расскажу все, что пойму, из бабушкиных книг. Я говорила? – у нее сумасшедшая совершенно библиотека. Особенно по вся-

кой там физике-химии-астрономии, ни слова непонятно, но та-а-ак увлекательно. Прямо чувствую, как умнею на глазах. Жаль только, не на твоих:)

Целую, целую, целую!

от: Ever Whatever <legantino@gmail.com>

Кому: Дм. Б. Сормов

<d.b.sormov@gmail.com>

дата: 27 апреля 2017 г., 14:42

тема: Re: Письмо далекому другу;)

Бабушка ничего, спасибо, что спрашиваешь. Разговаривать она, конечно, не способна, но мне кажется - все равно все понимает. И пусть сколько угодно мои драгоценные родственнички (в частности, тетя Лена - ба-а-альшой специалист по бабушкиной психике) утверждают, что она ничего не слышит и не видит, но я-то, я-то - и слышу, и вижу! Вижу, как она реагирует на новости (плохо), а как - на документалку, например, про черные дыры (отлично!). И как волнуется, когда Белый отходит, и что понимает, когда я к ней обращаюсь. Ну и вообще...

Короче, я решила ей читать. Только не смейся, я где-то слышала, что чтение вслух положительно сказывается на когнитивных функциях даже тех людей, которые в коме лежат, то есть самых-самых тяжелых пациентов. А бабуля, слава богу, не самый-самый (ну, я надеюсь). Поэтому – буду читать. Только решу, с чего начать – с «Введения в релятивистскую квантовую теорию поля» или с «Межзвездной газодинамики». Мне-то «Введение...», конечно, больше по душе (и есть шансы, что пойму хоть что-нибудь), но, боюсь, бабушке будет скучновато.

Позвони мне как-нибудь, а? Я умираю, хочу услышать твой голос.

26 апреля 2017 г., 21:22 пользователь Дм. Б. Сормов <d.b.sormov@gmail.com> написал:

...

от: Ever Whatever <legantino@gmail.com>

Кому: Дм. Б. Сормов

<d.b.sormov@gmail.com>

дата: 28 апреля 2017 г., 15:40

тема: Re: Письмо далекому другу;)

Как хорошо, что мы с тобой вчера поговорили. Пусть и с таким... неоднозначным итогом. Я в любом случае еще раз прошу прощения за возможную резкость. Я не хотела тебя обидеть...

Вчера два часа читала бабушке "Введение...", а потом мы еще смотрели передачу про космос. На моменте, когда ведущий рассказывал про планеты-сироты, я чуть не расплакалась, ей-богу. Представила, как они летают там - одинокие, никому не нужные. И никакого тепла кроме внутреннего. Да и то - на пределе... Как это похоже на некоторые человеческие жизни, правда?

Из-за этих планет непрерывно пою теперь странную песенку... точнее две строчки из нее: «только белая планета, мчится, мчится в вышине, в серебристой тишине», и никак не могу вспомнить, что это и откуда взялось. Ты не знаешь?

Целую. Не сердись на меня, пожалуйста.
26 апреля 2017 г., 21:22 пользователь Дм.

Б. Сормов <d.b.sormov@gmail.com> написал:

...

от: Ever Whatever <legantino@gmail.com>

Кому: Дм. Б. Сормов

<d.b.sormov@gmail.com>

дата: 29 апреля 2017 г., 16:04

тема: Re: Письмо далекому другу;)

Хорошо, хорошо, я все поняла, осознала, отчаялась. Давай уже хватит? Сижу тут с полумертвой бабушкой, живую речь слышу только по телефону – и, заметим, в основном не от тебя, а от всевозможных тетьлен и тетьгаль, которые только и умеют, что раздавать ЦУ, не терпящими возражения голосами. Конечно, я несколько одичала, кто бы спорил. Поэтому прекращай читать мне нотации и обними покрепче (пусть бы и виртуально).

А ты видел, что творит почта? Погляди в данных письма: желтый ярлычок и занимательная подпись: “Отмечено как важное потому, что так решил волшебный кролик”. Очень мило, правда? Волшебный кролик за нами присматривает! :))

28 апреля 2017 г., 23:34 пользователь Дм.
Б. Сормов <d.b.sormov@gmail.com> написал:
...

от: Ever Whatever <legantino@gmail.com>
Кому: Дм. Б. Сормов
<d.b.sormov@gmail.com>
дата: 1 мая 2017 г., 14:14
тема: Re: Письмо далекому другу;)

Прости, вчерашние полчаса я потратила на то, чтобы найти бабушке что-нибудь увлекательное – и новенькое! – про космос, так что на письмо тебе просто не осталось времени. Не знаю, оценила ли бабушка всю ту кучу фактов, которую мне удалось нарыть за столь малое время, но лично я – впечатлена!

Центр нашей галактики пахнет малиной и ромом (mmm!), солнце вовсе не желтого цвета (NASA раскрашивает фотографии, подумайте, какая низость!), а к Земле приближается страшная-престрашная планета Нибиру, от которой нам всем настанет кирдык (кто сказал, “Меланхолия”?! Фу, фу!)... Хотя про Нибиру я бабушке, конечно, не стала рас-

сказывать.:)

Или вот, посмотри, как круто было бы, если бы вместо луны мы видели другие планеты: <http://www.boredpanda.com/moon-replaced-with-planets/>

Правда здорово? Я – фанат Нептуна!

28 апреля 2017 г., 23:34 пользователь Дм. Б. Сормов <d.b.sormov@gmail.com> написал:
...

2 мая 2017

От Колсанова Л.

+70203159292

Бабушка умерла

18:05

Доставлено

от: Ever Whatever <legantino@gmail.com>

Кому: Дм. Б. Сормов

<d.b.sormov@gmail.com>

дата: 4 мая 2017 г., 11:06

тема: Re: Письмо далекому другу;)

Вот и все. Спасибо, что позвонил тогда,

мне было очень важно...

Знаешь, ничего ТАКОГО я определенно не чувствую. Жалко, да, но она столько лет уже была не в себе, не вставала, не говорила, что чувствовать тут можно разве что облегчение. И даже – как бы цинично это ни звучало – радость. До определенных пределов, конечно. Она свободна и не мучается, мы свободны и можем заняться своими делами... Такое, понимаешь? Знаю, что понимаешь, иначе бы не писала.

Мне еще нужно побыть здесь какое-то время, похороны, уборка, котам

справки выправить, чтобы в поезд пустили (еще раз – спасибо, спасибо!). Словом, хлопоты и все такое.

А потом я приеду... Напишу смс, встретишь?

Слушай, а поехали потом куда-нибудь?

На море? В горы? Я хочу долго-долго сидеть на каких-нибудь камнях и смотреть на звездное небо.

Несколько дней без тебя проживут даже ваши суперважные эксперименты.

И ничего не взорвется, я гарантирую. Пожалуйста!

28 апреля 2017 г., 23:34 пользователь Дм. Б. Сормов <d.b.sormov@gmail.com> написал:

...

– Да, мам. Уже на вокзале, да.

...

– Не волнуйся, я вижу свой вагон, а до отправления еще целых полчаса.

...

– Да, разъехались все уже. Я последняя.

...

– Взяла, мамуль.

...

– Ох... пирожки от тети Лены, булочки от тети Гали, кусок сала от дяди Миши и двухлитровую банку соленых огурцов от соседки как-ее-там... Но не уверена, что я буду их есть, хочешь тебе привезу потом?

...

– О, слушай, мам, погоди. Ты не помнишь такую детскую песенку... Там что-то вроде «только белая планета мчится в вышине» или вроде того. Который день в голове вертится, а вспомнить не могу!

...

– Точно! Конечно же, и карета, и зеленая! Вот спасибо!

...

– Хорошо, мамуль. Буду. Обязательно буду – с каждой-прекаждой станции. Обещаю!

2

Утро было прекрасным. Вадим выпрыгнул из постели, против своего обыкновения не пролежав даже лишней минуточки. Сегодня он поедет в Город! Сам, один! Если повезет – даже на «Проколе».

Тетка Лидия предлагала забрать книги из библиотеки, ей недалеко от работы, но Вадим отказался. Он теперь взрослый и самостоятельный, через десять дней начнется новая жизнь: в июне он блестяще прошел вступительные экзамены и был зачислен в инженерный колледж. Так что, разумеется, он должен сам забирать свои книги, сам ездить в Город, сам разбираться со своими проблемами. Он взрослый, студент, ему почти тринадцать лет, и тетка Лидия может больше не беспокоиться о том, как он справляется.

Вадим ловко заправил постель, выполнил несколько асан (он принял решение заниматься ежедневно и не сдавался уже вторую неделю, хотя нетренированные мышцы не хотели тянуться так, как должны бы, и ныли потом часами), покормил кота и приготовил завтрак себе и Люське. Яичница с помидорами и поджаренными кусочками хлеба выглядела

настоящим произведением искусства, а чай заварился не хуже, чем у тетки Лидии. Ну пусть только Люська начнет капризничать, он ей быстро объяснит, кто тут старший и кого надо слушаться.

Но не стала, слопала яичницу целиком и целых две чашки чая выдула. «Спасибо», понятно, сказать забыла и вилку три раза роняла, но это ничего, маленькая еще, научится. От того, что все так хорошо складывалось, Вадим был великодушен.

До детского сада почти бежали, Люська, которую он крепко держал левой рукой, пыталась еще и скакать, время от времени спотыкалась о собственные же ноги и что-то без конца тараторила. Вадим, занятый размышлениями о поездке, ее не слушал.

– Вадь, а Вадь, а правда, что Белая на нас скоро упадет? И случится ка-та-стро-фа. Мы все свернемся в точку и коллап-си-ру-ем.

Вадим наконец вник в Люськин щебет и от возмущения резко затормозил. Люська пролетела вперед и тоже встала, неестественно вывернув локоть. Ойкнула, высвободилась из Вадимовой руки.

– Совсем уже? Кто это тебе сказал?! – кричать на Люську было нельзя, испугается и разревется, но голос он все равно повысил.

– Катька, а Катьке – Нинка, а Нинке – ее сестра, а ей –

ее дедушка... – Люська терла локоть, приплясывая на одном месте.

– Стоп! – с такими перечислениями можно далеко зайти. – Никуда она не упадет, понятно? Твои Катьки и Нинки все врут!

– А дедушка?

Вадим поколебался. Ронять авторитет чужого дедушки, наверное, не очень хорошо, но и поощрять всякие глупости тоже не следует.

– А дедушка, наверное, что-нибудь не так понял.

Люська фыркнула. Вадим снова ухватил ее за ладонь и потащил дальше: до детского сада еще десять минут ходу, а у него сегодня столько дел!

– Двенадцать лет не падала и сейчас не упадет, – продолжал втолковывать он на ходу. – А если ты чего-то слышала, то сначала умных людей спроси. Тетку Лидию, или воспитательницу, или меня... хотя бы.

Пропихнув Люську через дыру в заборе (так было ближе, чем идти до ворот), Вадим все же не удержался и кинул быстрый взгляд на небо. Планета была на месте, фантомные корабли тоже, а Люська балда и разносчица слухов. Вечером надо будет тетке Лидии сказать, пусть ее поправит уже.

Он неся к остановке «Прокола», надеясь, что и здесь ему повезет. Пусть в два раза дороже, зато быстро и можно что-нибудь новое заметить. Окна в «Проколах» заклеены черной

пленкой, но Вадим, как все нормальные люди, знает, куда надо сесть, чтобы безопасно оттянуть уголок липкого полотна и не попасться при этом кондуктору или слишком бдительным пассажирам.

Но «Проколы» ходили редко, по странному графику, понятному только диспетчерской (его объявляют в семь часов по радио, а Вадим за утренними хлопотами пропустил), и остановка была пуста – он все-таки опоздал. Пришлось тащиться на станцию. Обычные поезда не зависят от времени, идут по рельсам, медленно и упорно преодолевая десятки километров пути там, где «Прокол» пробивается через разломы и выходит напрямую. Смотреть в окно поезда при этом интересно только первые несколько раз, потом вереница одинаковых домов, одинаковых станций, высоких заборов и чахлых лесопосадок приедается. Только малышня вроде Люськи может без конца радоваться: «Ой, собачка побежала! Ой, какой домик красивый!». Чего там красивого-то? То ли дело – Город!

Поэтому за все два часа поездки Вадим только однажды глянул в окно: на ту волну, которая когда-то встала сразу за их поселком и обрубил стары рельсы, оставив с этой стороны половину идущего поезда, а вторую – вывернув в другое пространство. Кто-то из соседок однажды сболтнул, что в том поезде ехала тетка Лидия и волна отрезала ее от всех близких, которые остались на той стороне. Тетка Лидия все отрицала, но с тех пор он почему-то всегда на эту волну

смотрел.

Остальное время Вадим потратил на чтение Швебера, тонким карандашом подчеркивая места, про которые надо будет потом спросить тетку или уточнить в энциклопедии.

Тетка Лидия рассказывала, что до Разрыва в мире существовала огромная супер-сеть из компьютеров, который мог воспользоваться любой человек и узнать любую информацию. Но Белая планета заглушила почти все радиоволны и уничтожила электронные приборы. Несколько лет Земля находилась в информационном вакууме, пока люди заново не научились запускать электро- и радиостанции и ловить хотя бы длинные волны. Тетка Лидия говорила, что это ничего, они разберутся и дальше прогресс пойдет быстрее, но Вадим, глядя как печально она сидит по вечерам со своими заметками и как яростно рвет неудачные расчеты на мелкие клочки, не очень-то верил. Но все равно мечтал, что однажды ученым удастся вернуть к жизни все, что существовало до Разрыва, все эти замечательные приборы, о которых он читал в старых книгах, – от крохотных магнитофонов до космических кораблей. И суперсеть, конечно, тоже, и хорошо бы в ней сохранилась вся информация!

...Центральный вокзал Вадим любил: большой, чистый, полный яркого света и торопящихся людей, он обещал путешествия и приключения, пусть поезда и ходят только по открытому сектору, который можно объехать всего за несколь-

ко дней. Он медленно прошелся по верхней галерее, осмотрел Город с высоты, скатился под укоризненные взгляды взрослых по перилам и с полминуты молча постоял у мемориальной плиты Всем, не пережившим. Когда-нибудь на привокзальной площади поставят памятник, но пока есть дела поважнее.

Идти до библиотеки было недалеко, минут пятнадцать самое большое. Времени еще полно и, конечно, Вадим не удержался и завернул к волне. Это самая большая волна в их части Земли, даже не сильно мутная, и если плотно прижаться к ней лицом, то увидишь тени живущих на той стороне.

На первый взгляд, они просто стоят, замерев в причудливых позах. Но если смотреть долго-долго, то движение можно заметить – только очень медленное. Такое медленное, что поднять руку у них займет больше месяца. Увы, ему никогда не удавалось провести возле волны больше двадцати минут кряду, а за такое время тень даже пальцем пошевелить не успевала.

Тетка Лидия как-то объяснила еще маленькому Вадиму, что за волной – такие же люди, как мы. И двигаются они нормально, просто из-за искривления пространства-времени мы воспринимаем их так, словно кино, когда пленку крутят по одному кадру в несколько часов.

– А мы, вероятно, движемся для них слишком быстро, даже хаотично. И в этом смысле нам, конечно, полезнее за ними наблюдать – хоть какая-то определенность.

Несколько недель назад, когда Вадим приходил к волне, ближайшая тень, небольшая, ростом с него самого, начинала вроде как наклоняться (Вадиму почему-то казалось, что у нее развязался шнурок и она хочет исправить положение), сегодня она выглядела совсем уж комично: ноги еще прямые, а тело уже скрючилось и руки висят, как у гориллы.

Вадим как обычно прилип к гладкой поверхности волны, силясь рассмотреть подробности и хотя бы зачатки движения. В какой-то момент ему показалось, что он что-то заметил, но это от долгого смотрения просто заслезились глаза. Вадим с сожалением отошел от волны и стал тереть лицо кулаками.

Мимо прошли девчонки-курсантки. Веселые, шумные, в зеленой форме Академии прикладной физики. У одних яркие нашивки будущих многомерщиц, у других – нелинейного факультета. Их предводительница – рыжая, веснушчатая, чем-то неуловимо похожая на Люську – и вовсе носила на рукаве шеврон с символом квантового противостояния: два кружочка соединены короткой линией. Такие же девчонки, только старше, когда-то нашли разломы и изобрели «Прокол», а теперь пробиваются через волны... Вадим проводил их завистливым и немного неодобрительным взглядом: курсантки хохотали, толкались, трещали как сороки, словно им было совсем и не важно, что на них надеется весь мир!

Потом вздохнул. Ему-то Академия не светила ни при каких раскладах, инженерный колледж – его потолок, и он об

этом знает. Его даже за управление «Проколом» никогда не пустят, туда парней только на диспетчерские должности берут и то очередь на сто лет вперед...

Но колледж – это тоже неплохо: может, именно его будущие изобретения и решения помогут этим (или другим) девчонкам наконец разобраться в искривлениях континуума, преодолеть волны или даже долететь до Белой и увести ее с орбиты, чтобы Земля наконец вернулась к своему привычному состоянию, а не была разделена на сотни недостижимых миров... А может быть, он станет самым первым курсантом, почему нет? Или разберется с фантомными кораблями. Тетка Лидия говорит, что все реально, если сильно постараться. У нее же получилось!

На другой стороне улицы зашумели и Вадим с любопытством вытянул шею, перестав сокрушаться своей невезучести. Прибывший! Там новый прибывший! Он тут же забыл об Академии и рванул через дорогу, рискуя попасть под колеса многочисленных мопедов и велосипедов. Кто-то сердито загудел, сразу несколько голосов пообещали отправить Вадима в детский сад, в бок с силой толкнулся чей-то руль – Вадим едва не упал, но удержал равновесие и одним движением выпрыгнул на тротуар, где уже собирались люди.

Вадим ввинтился в толпу, представляя, как завтра расскажет всему двору, что видел прибывшего сразу после появления. До сих пор из его знакомых это еще никому не удава-

лось. Только Максон врал, что видел аж двоих, но кто ж верит Максону?

Прибывший Вадима разочаровал: человек как человек, ничего особенного. Не то чтобы Вадим и раньше об этом не знал – газеты обычно подробно писали о каждом новичке, – и все же смутно надеялся на... он и сам не знал, на что. Но явно на что-то большее, чем тетенька средних лет самого обыкновенного вида: смуглая кожа, светлые джинсы, клетчатая рубашка, стоптанные пыльные ботинки. Как будто здесь таких мало! Бормочет только на непонятном языке, но так на то лингвисты есть (тут Вадима на секунду кольнуло сожалением: может, все-таки зря он не выбрал филологический?).

Прибывшей было неуютно, она испуганно кружилась на месте, прижимая к себе выдавший виды городской рюкзак. Люди говорили все одновременно, но вместо того, чтобы утешить, только больше пугали новенькую. Какие-то мелкие девчонки подобрались поближе и начали тянуть ее за рукава. Сердитый мужчина с бородой шикнул их, потом прикрыл собой женщину от зевак.

Сквозь толпу уже шел нелинейный патруль: они отведут новенькую в Лаборатории, где ей все объяснят и во всем разберутся. Может, хотя бы она наконец расскажет, как это они попадают в наш сектор. Надо будет завтра новости послушать: обязательно будут про нее передавать.

Провожая взглядом патруль, бережно ведущий прибыв-

шую через дорогу, Вадим опять почувствовал легкую зависть. Вот ведь жизнь у людей!

Его взгляд упал на большие часы, висевшие на здании, и он испугался: опаздывает! Библиотека закроется в полдень, а второй раз за здорово живешь ему в Город прокатиться тетка Лидия не даст. Еще и задвинет что-нибудь про разных там несознательных. Вадим подтянул рюкзак и рванул.

В здании колледжа было пусто: до учебы еще далеко, студенты сюда заходят только за учебниками. Он нашел библиотеку по указателям и, зайдя внутрь, несколько секунд стоял задержав дыхание. У них дома было много книг и тетка Лидия еженедельно приносила новые (а потом сама же жаловалась, что ставить некуда), но здесь их было немыслимое, бесконечное, ошеломляющее количество. Вадим тут же решил, что надо будет напроситься сюда добровольцем, наверняка же нужно что-нибудь сортировать, штамповать, раскладывать. А в промежутках можно будет читать сколько влезет.

– Добрый день, молодой человек. Слушаю вас, – библиотечарь, молодой, похожий скорее на старшекурсника, чем на хранителя важных знаний, появился из-за полок так бесшумно, что Вадим даже подпрыгнул от неожиданности.

– Здравствуйте! Студент первого курса Вадим Колсанов! Пришел за научной литературой! – он выпалил заранее заготовленные слова и тут же растерялся: а вдруг его сейчас спросят, какие конкретно учебники ему нужны? Список у

него был, но наизусть он все пятнадцать позиций, конечно, не выучил.

Библиотекарь не стал ничего спрашивать, а просто выдал книги, сверившись с одной толстой тетрадью у себя на столе и заставив Вадима расписаться в другой. Дрожащей от ответственности рукой Вадим нацарапал свою фамилию в ведомости и только после этого немного расслабился.

– Удачной учебы, студент Колсанов, – отдав последнюю книгу, библиотекарь (его, как выяснилось, звали Михаилом Михайловичем) пожал Вадиму руку, будто принимая его в ряды своих, равных.

– Спасибо! – Вадим чувствовал себя самым счастливым человеком на свете.

Он шел по большому проспекту, ощущая за спиной груз новых книг, и жалел, что не может засесть за них прямо здесь, сейчас. Счастливыми глазами Вадим смотрел на дома, на людей, на деревья, даже на Белую планету и фантомные корабли, и весь мир казался ему красивым и добрым. Сейчас он дойдет до Центрального вокзала, купит билет, а уж в поезде будет достаточно времени, чтобы прояснить, что интересного приготовил ему первый курс.

То, что у него начала кружиться голова, Вадим понял не сразу. А когда осознал, дело было уже совсем плохо: в глазах заплясали черные мушки, а из глубины живота к горлу начали подниматься остатки завтрака, и только усилием воли

удавалось удержать их внутри. Несколько минут Вадим шарил по карманам и рюкзаку, пока не убедился наверняка, что таблетки остались дома. Тетка Лидия убьет его, если узнает, что он ушел, не взяв их. Как же не вовремя начинается этот дурацкий приступ.

Со слабой надеждой, что обойдется, он доковылял до лавочки, сел, тяжело дыша. Пытался успокоиться, твердил как заклинание: мне хорошо, я чувствую себя хорошо, сейчас только немного посижу и пойду дальше. Мне еще Люську из детского сада забирать, сегодня можно пораньше, она обрадуется...

– Эй, мальчик, что с тобой? Тебе плохо? – две молодых женщины в белоснежной форме нелинейного патруля наклонились к нему, с тревогой вглядываясь в посеревшее лицо Вадима. Он покачал головой: еще не хватало, чтобы они отвезли его в больницу или – того хуже! – вызвали тетку Лидию.

Вадим попытался собраться, сесть прямо или даже, может быть, встать, чтобы показать патрульным, что он в порядке, в полном порядке. Но тело стало ватным, не держало и он снова сполз на лавочку, слушая сквозь шум в ушах, как нелинейщицы щелкают клавишами портативной радиостанции, передают в диспетчерскую вызов: мальчик, около двенадцати лет (почти тринадцать, хотел поправить Вадим, но не смог), в полубессознательном состоянии, адрес...

Домой ехали на служебном «Проколе», у всех, кто работал в Лабораториях, была такая привилегия. Тут, конечно, нечего было и думать отклеить черную пленку, но Вадим не расстроился. Чего уж тут расстраиваться, если повел себя как болван и огреб все последствия. Зато есть сорок минут и можно поспрашивать тетку Лидию о непонятных местах из Швебера и, если получится, отвлечь ее от ворчания по поводу таблеток и той суматохи, которую он устроил. Но голова была такая тяжелая, что Вадим задремал, как только «Прокол» двинулся с места.

То засыпая, то просыпаясь, он слышал, как тетка Лидия тихонько разговаривает с теткой Анной – коллегой и соседкой по дому. Сначала они жаловались друг другу, что опять откладывается строительство какой-то третьей очереди и что Бурдина ставит палки в колеса, а сделать с ней ничего нельзя, потому что... Тут Вадим провалился в сон и прослушал, почему. А когда снова очнулся, тетка Лидия говорила о чем-то совсем странном.

– По нему уже прогнозы делать можно: стало плохо – жди смещения. Небольшого совсем, но ощутимого и, главное, быстрого. Меня и вызвали-то ровно в тот момент, как эхо пошло...

Вадим догадался, что речь о нем, но что конкретно тетка Лидия имеет в виду, не понял. И не спросишь ведь, подслушивать – ужасный поступок, признаться в нем, так лучше сразу идти о волну головой биться. За такое даже глупой

Люське прощения не будет. Ему стало неловко и он демонстративно заворочался, показывая, что уже не совсем спит. Тетка Лидия и тетка Анна быстро перевели разговор на безопасную тему: начали обсуждать, что в выходные надо бы все-таки выйти прибрать двор, а то дворничиха Валентина приболела и не справляется. Как будто у них вообще бывают выходные, выдумщицы...

По дороге с остановки забрали Люську, которая до самого подъезда гордо рассказывала, что сказала Катьке и Нинке перестать болтать глупости про Белую, и что воспитательница ее поддержала, только велела не говорить слова «болтать» и «глупости», потому что они злые, а как надо сказать – не объяснила.

– Говори, «пользоваться непроверенной информацией»! – хохотала тетка Лидия. Вадиму стало легче и она пришла в бодрое состояние духа.

После ужина Вадим перемыл посуду и думал было все-таки хотя бы полистать полученные учебники, но голова была еще туманной, поэтому он отправился спать. Даже отказался слушать новую детективную радиопьесу, чем снова встревожил тетку, и еще добрых пятнадцать минут уверял ее, что все в порядке и он просто устал.

Когда погас свет, пришел Серый, устроился у Вадима под боком, затарахтел тихонько. Серый очень старый, плохо видит и с мячиком уже не играет, но все равно Вадим его любит. И Белого любил, и даже плакал тихонько, когда он умер.

Вадим аккуратно погладил Серого по теплой спинке и подтянул одеяло, чтобы прикрыть кота от сквозняков. Уже совсем засыпая, услышал через полуоткрытую дверь, как тетка Лидия, засевшая за расчеты, начала напевать свою любимую песенку, как всегда только один куплет – по кругу:

– Все уснуло до рассвета.
Только белая планета
Мчится, мчится в вышине –
В серебристой тишине...¹

Комментарий составителя:

Если надо напоить чаем младшую сестренку-дошкольницу, вам придется разбавить его водой до бледно-желтого цвета и положить сахар. Возможно, очень много сахара.

В раннем детстве у меня (как, наверное, у многих) была книжка стихов Агнии Барто, и там среди прочих был стишок про младшую сестренку, фрагмент которого на всю жизнь застрял у меня в голове:

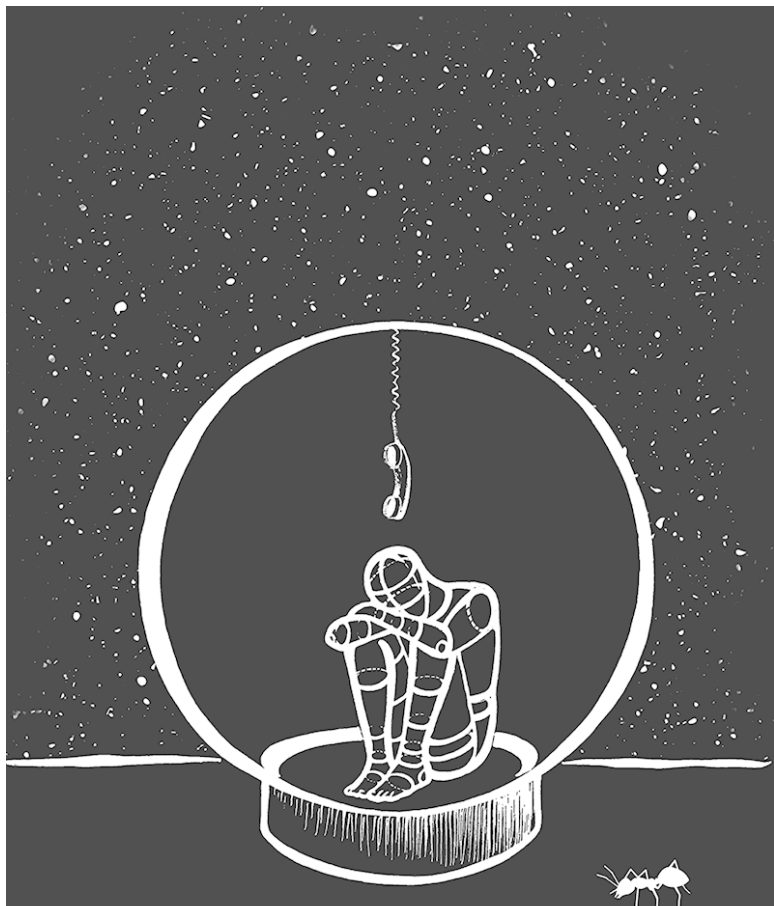
*Она спокойно на боку
Лежит в своей кроватке.
Я ей даю попить чайку,*

¹ Здесь использован (и отчасти изменен) фрагмент стихотворения Овсея Дриза «Зеленая карета».

*Она не пьет – несладкий!
Я положил еще кусок,
Прибавил рафинада.
Не чай, а просто сладкий сок!
А ей того и надо!*

*Как писали в школьных учебниках геометрии: что и
требовалось доказать.*

Анна Лихтикман
В контакте

«Введите любое имя,» – рекомендует программа, но Яна не вводит Толика, зачем. Его лицо на групповой фотографии где-то сбоку, обреченно-нечеткое, как снимки кометы, переходит в зернистую цифровую туманность, «шум» – так называют это фотографии.

Впервые он появляется, когда Яна с подругой едут на море. Толик заходит в купе, на нем парадная солдатская форма. Подруга Яны поит его чаем как-то подозрительно постарушечьи, по-викториански благодушно, и расспрашивает про первую увольнительную, и Яна догадывается, что подруга назначает Толика ей. Это оскорбительно. Яна зло читает, забившись в угол, но сосредоточиться не может. Понятно же, что у нее с Толиком совершенно ничего общего, но его форма, ее светлая коса, купе, поезд, черт возьми, поезд, проглотивший их как удав... «Надо было брать плацкарт,» – думает Яна, – в плацкарте ты свободен». Алка выходит за сигаретами, Толик торопливо глотает, и явно собирается с духом, чтобы сказать какую-нибудь очередную глупость. Ну, ну, скорей уже.

– Можно вас поцеловать? – и поспешно добавляет: «Как сестру».

Конечно нельзя, идиот.

– И главное, ему совсем не хотелось целоваться, – говорит она потом Алке. – Я же видела, не хотелось. И они еще некоторое время говорят про Толика, что он вроде бы и не

дурак, просто у них там, в армии, такой кодекс, у них там крыша едет на тему поцелуев, ну и формат, конечно, располагал: увольнительная, поезд, купе.

Потом они внезапно встречаются на «Соколе». Он, оказывается, поступил в МАИ и говорит совсем по-московски, с интеллигентным «г», утрамбованным, как городской снег. А у нее, ну надо же, как раз лишний билет на балет «Спартак» с Микаэлом Азовским. Она уже целый год в Москве, а все еще не была в Большом. В театре слишком жарко. В Москве везде, оказывается, слишком натоплено, а она почти в унтах и дико завидует эльфийской легкости кордебалета и не верит, что там происходит какая-то война между легионерами и рабами, потому что и те и другие одинаково голые, пока она страдает здесь в своих унтах. И Толик, кстати, тоже с ними заодно: в чем-то легком, столичном. В антракте они говорят о том, что слава Микаэла Азовского неоправданно раздута, и что он не дает пробиться молодым, и что Красса мог бы вполне станцевать тот парень в трико горчичного цвета, видно же сразу: отличная техника, и Толик находит в программке его имя: «Иванов». «Вот так просто, “Иванов”? – удивляется Яна, – ну надо же! Так просто, так скромно!»

А в конце спектакля все встают и долго-долго хлопают, и они с Толиком тоже. И слышны крики «Браво, Азовский!», или просто «Браво!» (кричат здесь тоже как-то по-особенному, с ударением на последнем слогe – «БравО»), и тут вдруг Толик тоже кричит: «БравО! Браво, Иванов!» – и сра-

зу несколько удивленных лиц поворачивается к ним, и Яне кажется, что кошачьи глаза Микаэла Азовского вспыхивают зеленым огнем. «Прекрати, не надо», – шепчет она Толику. Так они переходят на «ты».

А потом он полгода, ходит к ним с Алкой в общагу пить чай и носит им отрезы кумача и мешковины с кафедры. (Он кем-то там на кафедре, и это все что у них там есть, они же инженеры.) Кумач для столов на комсомольских собраниях, мешковина – для тряпок. Он говорит, кафедра не обеднеет, у них этого полно.

Мешковиной они с Алкой красиво задрапировали старый шкаф, из кумача пошили сумки, потом – штаны-бананы, потом – лихо простроченные курточки. Потом вдруг изменилось все.

В переходах продаются огромные портреты Пугачевой, и если всмотреться, говорят, там у нее в волосах, в каком-то локоне можно разглядеть профиль Сатаны. В Иностранке стоят тихие решительные женщины с плакатами. Это забавно. В какой-то из газет Яне неожиданно попадает интервью солиста балета Микаэла Азовского. Он рассказывает, как тяжело ему пришлось в Большом последние годы. Его, оказывается, травили в театре, он подумывал о самоубийстве. Спустя неделю она узнает, что Азовский умер – не выдержало сердце. Яне неприятно, но она живет себе дальше и Толик, крикнувший когда-то «Браво», тоже, видимо, где-то живет.

А потом внезапно оказывается, что Яна и Толик работают вместе в каком-то холдинге, который постоянно разоряется и, поменяв имя, вновь восстает из пепла, и он женат, а она замужем, но оба легки настолько, что словно две щепки поднимаются и опускаются на этих волнах процветания и разорения – оба зарабатывают не слишком мало и не слишком много; таких никогда не увольняют. Они подолгу курят в коридоре, рассказывая о женах мужьях и детях, пока фирма наконец не разоряется окончательно и они не теряют друг друга надолго.

А потом он исчезает. Так он появляется в ее жизни опять, – она узнает в интернете, что он исчез. То и дело она натывается на его фото (в таких объявлениях фотографии как назло самые беззащитные, с рыхлыми, осыпающимися в пустоту улыбками). Его ищет дочь и бывшая жена. Говорится что-то о долгах и угрозах, подозревают месть, либо самоубийство. Яна так и не познакомилась с женой Толика, но помнит, как он рассказывал про нее что-то забавное. Что, мол, непонятно, как женщины могут жить, не зная толком, как устроена электрическая лампочка. (Яна, как и жена Толика, не подозревала, что из лампочек выкачивают воздух.) Вот тогда-то и выяснилось, что Толик знает устройство всего: часовых механизмов, телефонных коммутаторов, водонапорных башен...

И тут она понимает, что он не мог никуда исчезнуть. Тот, кто так подробно знает этот мир, не пролезет в игольное ушко.

ко пустоты. Он не исчез, а просто сбежал – догадывается Яна.

А потом она видит то видео. Оно постоянно попадаетея ей, но она его не открывает, потому что не интересуется политикой, но оно словно гоняется за ней по сети, то видео, и она открывает. И видит Толика. Он в какой-то униформе, ей очень стыдно, но она не может разобраться на чьей он стороне, потому что запутывается в терминах: «наемники», «боевики», «армия», «бандиты», – а это просто недопустимо, ведь она образованная женщина, у нее есть определенные убеждения и четкая позиция, пора бы уже запомнить, кто из них кто. Или спросить мужа, или сына – они не путаются – но тогда придется объяснять про Толика, а объяснять там совершенно нечего, ну совершенно.

Там, на видео, небольшой отряд, попавший в плен, и кто-то раз за разом, приказывает им падать на колени и вставать. «Ну и ладно, – думает Яна, – он же был когда-то в армии, он же знает, что это так принято: лег-отжался. Да что там в армии, вот они ехали когда-то на картошку, и там физрук тоже почти такое же им устраивал, (ей вспоминается студенческое словечко «мурыжил»), и ничего, и ничего. Но там, на видео, шеренга пленных, и у них за спиной зимний сухой кустарник, а в том месте, где стоит Толик, сухая ветка упирается ему в спину и в шею. Ветка почти протыкает Толика каждый раз, когда он вместе со всеми падает в грязь. «Вот что плохо, – понимает Яна, – то, что он не отклоняется, не

делает полшага в сторону, а продолжает натекаться на чертову ветку». Понятно, что не хочет никого злить, не хочет делать лишних движений, чтобы не привлекать внимания, но ветка уже выделила его из всех, она словно указывает на него крючковатым пальцем.

Яна теперь вынуждена целыми днями решать, как должен поступить Толик. Иногда ей кажется, что он все делает правильно. Сильные люди тоже часто подчиняются обстоятельствам, ожидая удобного момента. «Может быть, он давно уже сбежал оттуда, или их всех обменяли, весь отряд», — думает Яна. А еще она думает, что правильный ответ можно высчитать. У него там мало времени, а у нее здесь полно, чтобы все взвесить. Если учесть все-все-все: погодные условия, настроение в войсках, политическую обстановку, то можно представить, будет ли Толиков шаг в сторону смертельным. Она начинает высчитывать, но тут в голову лезет непонятно что: распечатки на ксероксе, фото рок-групп, впаянные в брелоки, мешковина, кумач, и — самое смешное — она сама, ну или они с Алкой, они тоже где-то в этой бухгалтерии.

— Ты идешь? — спрашивает из спальни муж.

— Да, да, иду, — отвечает Яна, вращая колесико мышки.

Там, на экране, Толик ищет, где бы снять дачу для мамы, рассказывает о своей коллекции гитар, пишет смешное о ссоре своих близнецов, объявляет набор в изокружок. Яна

нажимает на маленькие голубые сердца под каждым статуэтом.

Она просматривает то видео еще раз и теперь ей кажется, что Толик все-таки постепенно отклоняется влево, и орущий солдат, наставивший на него автомат, не обратит внимания, на то, что ветка уже не врезается ему в шею, а значит, Толик вот-вот вновь станет неотличим от остальных. Что бы там их ни ожидало, это лучше, чем удостоиться страшной личной судьбы, — думает Яна и выключает компьютер.

Тогда, в общежитии, они пили растворимый чай в гранулах. Гранулы были цилиндрической формы. Залитые кипятком, они набухали, но стоило тронуть их ложкой, и они распадались. При этом в гостях всегда сидел кто-нибудь, кто утверждал, что гранулы сделаны из чайной пыли, которую на чайной фабрике попросту сметают с пола обыкновенной метлой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.